

Общество и экология

Те проблемы, с которыми люди сталкиваются в процессе самоопределения, осознания себя как личности, порождают необходимость существования широкой психотерапевтической индустрии. Эти проблемы, безусловно, являются личными. Но они существуют не только для отдельных индивидуумов, но и для всего современного общества в целом. Мы живем в полном непонимании того, какие социальные взаимоотношения существуют между ними. Мы страдаем не только как личности от отчуждения и неразберихи в наших мотивах и устремлениях; все наше общество, задуманное как единый организм, является весьма неопределенным в том, что касается его структуры и направления развития. Если раньше в обществе культивировалась вера в добродетельность сотрудничества и заботы о ближнем, то в современном обществе добродетелью является соревнование и эгоизм, и таким образом не поощряются ассоциации любого рода — кроме созданных ради наживы и безумного потребления.

Мы считаем, что раньше люди имели четкие представления о вере и надежде — о ценностях, которые определили их как людей, обладающих конкретными целями в общественной жизни. Мы называем средние века «Эрой Веры», а Просвещение — «Эрой Рассудка». Даже период между мировыми войнами и конец 40-х — начало 50-х годов кажутся нам привлекательным временем невинности и надежд, несмотря на Великую депрессию и ужасающие конфликты, которые имели место в этот период. Это выразил постаревший персонаж недавнего достаточно хорошего фильма о шпионах: он говорил, что по сравнению со временами Второй мировой войны он потерял «чистоту» — чувство цели и идеализм, которыми он руководствовался тогда.

Эта «чистота» в наше время исчезла — ее заменили неопределенность и двусмысленность. Вера в то, что технологии и наука улучшат условия человеческого существования, была подорвана распространением ядерного оружия, массовым голодом в странах Третьего мира и бедностью на Западе. Жаркая вера в триумф свободы над тиранией уничтожена увеличивающейся централизацией государств повсюду и увеличением власти бюрократии, полиции и изощренных средств слежки над людьми. В наших демократических странах — не меньше, чем в явно авторитарных. Надежда, что мы создадим единый мир, сообщество различных народов, которые будут заботиться о своих ресурсах и улучшать жизнь повсюду, разбилась о рост национализма, расизма и бесчувственного местничества, которое порождает индифферентность по отношению к судьбам миллионов.

Мы считаем, что наши ценности хуже, чем те, которые существовали всего лишь два-три поколения назад. Нынешнее поколение кажется более самовлюбленным, отчужденным и недоброжелательным по сравнению с предыдущим. У него нет таких систем поддержки, как большая семья, сообщество и обязательная взаимопомощь. (Борьба личности с обществом происходит в большей степени через бюрократические структуры, чем прибегая к помощи отзывчивых и доброжелательных людей.)

Этот недостаток социальной определенности и значимости становится еще более заметным при наших проблемах. Война — непереносимое условие нашего времени, экономическая нестабильность — всепроникающая реальность; человеческая солидарность — туманный миф. Совсем не последней угрозой является кошмар экологического апокалипсиса — катастрофического выхода из строя систем, обеспечивающих стабильность на планете. Мы живем в постоянной опасности непоправимого уничтожения живого мира системой, помешавшейся на росте, он заменяет органическое неорганическим, почву — бетоном, лес — пустыней, разнообразие живых форм — упрощенной экосистемой: короче говоря, пытается повернуть экологическое время вспять, к более неорганическому минерализованному миру, который не может обеспечить существование сложных форм жизни, в том числе и человека.

Неуверенность в нашей судьбе, предназначении и целях вызывает достаточно неожиданный вопрос: является ли общество бедой, наростом на древе жизни?

Появилось огромное количество литературы, привлекающей внимание миллионов читателей, в ней выражается «новый пессимизм» по отношению к цивилизации как таковой. В этих произведениях технология противопоставляется предположительно «девственной» природе, города — деревням, деревни — необжитым пространствам, наука «почтению» к природе, рассудок — «невинности», интуиции, и наконец, человечество — остальной биосфере.

В наше время все больше и больше теряется вера во все человеческие способности — способность жить в мире, способность заботиться о других людях и остальных формах жизни. Этот пессимизм ежедневно подпитывается социо-биологами, которые говорят, что наши недостатки заложены в нас генетически: антигуманистами, оплакивающими нашу «антиприродную» сущность; биоцентристами, принижающими наши уникальные свойства идеями, по которым мы в мире «первородного греха» ничем не отличаемся от муравьев. Короче говоря, идет широкое наступление на веру в способность разума, науки и технологии улучшить мир и для нас и для жизни в целом.

«Вечная тема» о том, что цивилизация неизбежно противопоставит себя природе, что это произойдет из-за человеческой природы, поднималась еще во времена Руссо и дожила до наших дней, когда нам особенно необходима действительно человеческая и экологичная цивилизация, если мы захотим спасти планету и самих себя. Цивилизация, характеризующаяся опорой на рациональность и технологии, все больше рассматривается как еще одно несчастье. Более того, роль общества как необходимого фактора формирования человечества, рассматривается как нечто неестественное, вредное и изначально деструктивное.

Человечество по иронии судьбы, в результате оказалось поругано самими людьми — как проклятая форма жизни, которая только разрушает мир и угрожает его целостности. К той путанице, которая существует в определении нашего сумасшедшего времени и наших личностей, добавился еще один аспект — представление человеческого существования как формы хаоса, созданного нашим стремлением к бессмысленному разрушению и нашей способностью увеличивать эффективность этого стремления, так как в нашей распоряжении

имеются разум, наука и технология.

Однако стоит заметить, что немногие антигуманисты, биоцентристы и мизантропы, строящие подобные теории, идут до конца в своих логических построениях. Наиболее важно в этой смеси искусственных теорий и недодуманных мыслей почти полное игнорирование тех форм, институтов и отношений, которые формируют то, что мы называем обществом. Вместо этого мы используем расплывчатые понятия «общество» и «цивилизация», которые скрывают сильнейшее различие между свободными, не иерархичными и не государственными обществами, с одной стороны, и в разной степени иерархичными, огосударствленными и авторитарными, с другой (так же, как мы используем широкие понятия типа «человечество» или зоологический термин «хомо сапиенс», за которыми скрываются огромные различия, даже жесткие антагонизмы, существующие между привилегированными белым и цветными, мужчинами и женщинами, богатыми и бедными, угнетателями и угнетенными).

Зоология, в результате, заменяет социально ориентированную экологию. Огульные «природные законы», основывающиеся на колебании популяций у животных, подменяют противостоящие экономические и социальные интересы людей.

Простое противопоставление «общества» и «природы», «человечества» и «биосферы», «технологии», «знания», «науки» и менее развитых, часто примитивных форм человеческого взаимодействия с природой отвлекает нас от изучения очень сложных различий и разделений внутри общества, которое так необходимо для определения наших проблем и их решений.

В Древнем Египте, например, отношение к природе сильно отличалось от вавилонского. Египтяне выработали поклонение сонму в массе своей анимистичных божеств, многие из которых и физически были полулюдьми, полуживотными, в то время как вавилоняне создали пантеон очень человеческих и политичных богов. Но египетское государство было не менее иерархичным, чем вавилонское, и также, если не больше, подавляло человеческую индивидуальность. Некоторые охотничьи племена могут быть также разрушительны для природы, как и урбанистические общества, ограниченные в своей разрушительности разумностью. Когда мы обзываем все эти различные социальные формы одним словом «общество», мы оскорбляем мысль и рациональный подход. «Общество» само по себе становится чем-то неестественным. «Разум», «технология», «наука» характеризуются как «деструктивные», несмотря на те социальные факторы, которые обуславливают их использование. Попытки человека изменить окружающую среду считаются угрозой для нее — так как наш «род» едва ли может сделать что-либо для улучшения жизни на планете в целом.

Конечно, мы не в меньшей степени относимся к животному миру, чем все другие млекопитающие, но мы являемся чем-то большим, чем стада, бродящие по африканским равнинам. То, чем мы отличаемся то есть виды обществ, которые мы формируем и то, как мы разделены в иерархии и классы — сильнейшим образом влияет на наше поведение и на результат наших действий в природном мире.

Наконец, так радикально отделяя человечество и общество от природы или наивно сводя людей к «роду» животных, мы затрудняем для себе понимание того, как человечество развилось из нечеловеческой природы, а социальная эволюция — из природной. Люди отчуждаются не только сами от себя в наш «век отчуждения», но и от природного мира, в котором находятся наши корни как сложной, мыслящей формы жизни.

Мы уже сыты по горло упреками инвайронменталистов либерального и мизантропического толка в том, как «мы» как род ответственны за разрушение окружающей среды. Причем совершенно не обязательно ехать в Сан-Франциско, на территорию мистиков и гуру, чтобы обнаружить эту «родовую», асоциальную точку зрения на экологические проблемы и их источники. В Нью-Йорке таких людей тоже хватает. Я не скоро забуду «зеленую» презентацию, устроенную ньюйоркским музеем естественной истории в 70-х годах, когда публике представили большую серию экспонатов, каждый из которых показывал пример загрязнения окружающей среды и экологического разрушения. Экспонат, закрывавший выставку, назывался «самое опасное животное на земле» и состоял просто из огромного зеркала, в котором каждый посетитель видел свое отражение. Я хорошо помню негритенка, стоящего перед этим зеркалом, пока белый учитель пытался объяснить ему смысл этого «экспоната». Там не были показаны правления корпораций или директор, планирующий вырубить лес на склоне горы, или правительственные чиновники, действующие вместе с ними. Экспонат выражал в основе своей мизантропическую идею: люди как таковые, а не жадное общество, и его богатые должностные лица, ответственны за разрушение окружающей среды — бедные не меньше, чем богатые, цветные — не меньше, чем привилегированные белые, женщины — не меньше, чем мужчины, угнетаемые не меньше, чем угнетатели. Мифический человеческий «род» заменил классы, индивидуумы иерархии, личные вкусы (многие из которых «причесаны» хищными средствами массовой коммуникации) — социальные отношения, и лишенные власти, живущие бедной изолированной жизнью люди, заменили гигантские корпорации, самообслуживающие бюрократии и жестокое собственническое государство.

Версия #1

Зверобой создал 25 апреля 2025 09:41:04

Зверобой обновил 25 апреля 2025 09:41:35